

Occupation of the residents of southern Dagestan (Kyurian khanate) in the late XVIII – early XIX century

The article deals with the main types of occupations of the Kyura residents, the economic situation of the Kyura in the late XVIII – early XIX century, as well as the trade and economic relations with neighbouring nations. It describes the development of agriculture as the main activity in the plains and foothills. The development of cattle breeding, which is of exceptional importance for the Kyura residents, is under consideration in the article. A brief analysis of the development of local crafts of great importance for the unions of rural communities of southern Dagestan is given in the article.

Key words: *history of Dagestan, economics of southern Dagestan, history of southern Dagestan, Kyurian khanate.*

(Статья поступила в редакцию 11.05.2018)

О.В. ГАЛКОВА, А.В. ПЕТРОВ
(Волгоград)

П.Н. МИЛЮКОВ ОБ ИСТОКАХ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

В контексте русской исторической традиции на основе содержания статей П.Н. Милюкова, опубликованных в сборнике «Из истории русской интеллигенции», проанализированы его взгляды на истоки и зарождение российского либерализма.

Ключевые слова: *либерализм, истоки, традиция, русская историческая традиция, верховники, шляхетство, самодержавие, кондиции, проекты государственного преобразования.*

В 1902 г. увидело свет первое издание сборника статей и этюдов П.Н. Милюкова «Из истории русской интеллигенции» [3], куда вошли статьи, посвященные, казалось бы, самым разным событиям и явлениям русской истории. Например, «Верховники и шляхетство» и «Памяти Герцена», «Любовь у “идеалистов тридцатых годов”» и «Университетский курс Грановского», «По поводу переписки

В.Г. Белинского с невестой» и «Разложение славянофильства» и др. Однако в предисловии к сборнику сам автор отсылает читателя к своим «Очеркам по истории русской культуры». Последовав его совету, мы сможем обнаружить там объяснение такому странному подбору статей.

Рассуждая в «Итогах» к первой части «Очерков» о русской исторической традиции [4], Милюков отметил, что говорить о ней можно в двух смыслах.

Во-первых, традиция как связь различных периодов естественной эволюции общества, совершаемая по свойственным ей законам. Основной закон такой эволюции – это постоянное изменение, следовательно, по мысли автора, никакая традиция здесь попросту невозможна.

Во-вторых, один из результатов естественной эволюции – это сознательная человеческая деятельность, «стремящаяся целесообразно воспользоваться естественной эволюцией и согласовать ее с известными человеческими идеалами. Для достижения этих целей надо, прежде всего, выработать и распространить эти идеалы и затем воспитать волю. Если подобная работа совершается в одном и том же направлении в течение целого ряда поколений, в таком случае в результате получится действительная культурная традиция – единство общественного воспитания в известном определенном направлении» [4, с. 274].

Очевидно, что материалы сборника «Из истории русской интеллигенции» были призваны способствовать созданию новой русской культурной традиции. В этом плане особый интерес для нас представляет открывавшая сборник статья – «Верховники и шляхетство».

Сам автор в начале работы определил ее историографическое значение [1] тем, что в ней приведены факты, до этого неизвестные русской исторической литературе, а также тем, что ряд известных фактов использовались иначе, чем ими пользовались до него [6; 8]. Прежде всего, это связано с тем, что Милюковым были использованы свидетельства иностранных дипломатов, внимательно следивших за развитием событий и дававших им оценки в своих донесениях. Автор выделил два основных подхода к оценке московских событий: одни видели в попытках верховников стремление вернуться к допетровской боярской старине, другие усматривали в них желание осуществить новое, более рациональное

нальное государственное устройство на манер Англии, Швеции или Польши. При этом особо было обращено внимание на то, что оба эти взгляда были гораздо глубже тех подходов, которые были характерны не только для современников описываемых событий, но и для русской исторической литературы вплоть до середины XIX в. [7].

Для наглядности приведем оценку событий, последовавших за смертью Петра II, данную С.М. Соловьевым: «При отсутствии партий, при всеобщем недоумении и нерешительности голос сильного человека решает дело, особенно если он находит решение наиболее удовлетворительное. Теперь это был голос князя Дмитрия Мих. Голицына, который объявил, что дом Петра I пресекает смертью Петра II и справедливость требует перейти к старшей линии царя Иоанна Алексеевича... Анна, герцогиня курляндская (дочь царя Иоанна), свободна и одарена всеми способностями, нужными для трона». Когда члены Верховного совета с этим согласились, «князь Дмитрий начал говорить: “Воля ваша, кого изволите, только надобно нам себе полегчить”... “так полегчить, чтобы воли себе прибавить”» [9]. Что же двигало князем Голицыным? Для Соловьева ответ очевиден: «Гордый своими личными достоинствами, и еще более гордый своим происхождением, считая себя представителем самой знатной фамилии в государстве, Голицын... постоянно был оскорбляем в этих самых сильных своих чувствах... Как же благодарна будет новая императрица Голицыну, главному виновнику ее избрания? Но Голицын научен горьким опытом: он знает, что сначала будут благодарны, сначала поласкают человека неспособного быть фаворитом, а потом какой-нибудь сын конюха, русского или курляндского, через фавор оттеснит первого вельможу на задний план. Вельможество самостоятельного значения не имеет; при самодержавном государе значение человека зависит от степени приближения к нему. Надобно же покончить с этим, надобно дать вельможеству самостоятельное значение, при котором оно могло бы не обращать внимания на фаворитов» [Там же]. Таким образом, для Соловьева главный мотив Голицына – сугубо личный: не дать оттеснить себя от трона с благодарной императрицей, далее следуют интересы вельможества.

Миллюков же полагал, что ситуация была гораздо сложнее. Опираясь на зарубежные источники, он доказывал, что Голицын пришел на заседание Верховного тайного совета с готовым планом действий, в основе которого ле-

жал проект тщательно продуманного государственного реформирования. В частности, было отмечено несомненное сходство «пунктов» 19 января с государственным строем Швеции, установившимся там после 1720 г. в так называемое время свободы, когда было покончено с самодержавными реформами Карла XI. На первый взгляд, указывает Миллюков, может показаться, что было выбрано только то, что определяло роль государственного совета в верховной власти, а участие риксдага оставлено в стороне. Именно таким и было впечатление современников. Сам же автор считал, что содержание кондиций было лишь частью плана, составленного Голицыным, который полагал, что, прежде всего, необходимо закрепить исходный пункт уступок самодержавной власти. Ссылаясь на донесения иностранных дипломатических агентов, Миллюков утверждает, что Голицын внес на обсуждение Государственного совета полный проект государственного устройства. Соглашаясь с тем, что проект в целом нес «аристократический отпечаток», П.Н. Миллюков категорически настаивал на том, что он «не только не имел своекорыстно-личного характера, но не имел даже своекорыстно-сословного». Для подтверждения этого вывода автор попытался реконструировать ход работы Голицына над своим планом.

Двоюродный брат Василия Васильевича Голицына, любимца Софьи, Дмитрий Михайлович разделял его стремление к преобразованию России, но во многом был не согласен с реформами Петра. Карьера его была типичной для государственного деятеля: учеба морскому делу в Италии, служба дипломатом в Константинополе, образцовый губернатор в Киеве, президент самой ответственной из петровских коллегий, камер-коллегии. Еще в Киеве студенты духовной академии переводили для него труды иностранных политических писателей, в его библиотеке были рукописные переводы Пуффендорфа, Томазия, Гроция, Локка, Макиавелли [5]. В Петербурге Голицын познакомился с гамбургским уроженцем Фиком, который предоставил ему возможность познакомиться с материалами по шведскому государственному праву. Именно благоприятная подготовка проекта, опиравшегося на достаточно смелые идеи, позволили Миллюкову считать, что в проекте не было ничего олигархического, хотя он и признал, что не только в пунктах, но и в самом проекте вопрос об организации законодательной власти был обойден. Но осуществление проекта зависело от того, как его воспримет шляхетство.

Описывая настроения дворянства, анализируя деятельность различных группировок, Милюков пытается представить дело таким образом, что якобы шляхетство разделилось на партии, пытавшиеся также разработать свои планы государственного переустройства. Планы защитников самодержавия были достаточно традиционны и состояли в возврате к «старым порядкам». Деятельность же конституционной партии была проанализирована более детально. В центре внимания были соображения В.Н. Татищева, изложенные им в проекте, представленном на обсуждение 2 февраля. Наилучшей формой правления Татищев признал монархию, причем, по-видимому, для него самого было не всегда ясно, какую монархию он предлагал: неограниченную или конституционную. Ограничение монархии оправдывалось тем, что на престол должна взойти герцогиня курляндская, которая «как персона женская, к так многим трудам неудобна; паче-ж ей знания законов не достает». Новое государственное устройство должны были подготовить выборные от шляхетства в количестве не менее ста человек. Им предлагался уже готовый проект: верховный совет упразднится, а во главе государства «в помощь ее величеству» учреждаются две палаты. «Вышнее правительство», или сенат, должно было состоять из 21 члена, включая весь состав верховного совета. «Нижнее правительство» (из 100 членов) занималось «внутренней экономией», для этого оно делилось на три группы, каждая из которых заседала по четыре месяца. Законодательная власть «состоит единственно из власти монаршеской», но императрица может передать законодательную власть, если ей самой сочинять законы будет неудобно. В этом случае законопроекты составляются всеми коллегиями, каждая представляет проект «вышнему правительству», которое «сочиняет» закон и представляет к утверждению ее величеству.

Далее в проект были включены предложения, отражавшие важнейшие желания тогдашнего дворянства. В состав «вышнего правительства» мог входить только один представитель «фамилии». «Вышнее правительство» должно было каждые два месяца назначать двух депутатов для наблюдения «за справедливостью» в тайной канцелярии. Аресты должны были производиться в присутствии одного из депутатов для наблюдения за сохранностью имущества арестуемого. Необходимо было проверить шляхетские списки, отменить закон о единонаследии, ограничить шляхетскую во-

енную службу двадцатью годами, по всем годам устроить шляхетские училища. Предполагались и некоторые льготы для духовенства и купечества: для духовенства – устройство духовных училищ и обеспечение содержанием; для купечества – освобождение от постоев и притеснений, а также некоторые меры в пользу торговли и промышленности. Очевидно, что проект Татищева носил преимущественно дворянский характер.

Первыми подписали проект 39 человек, все они принадлежали к «генералитету», многие из них побывали за границей, некоторые там воспитывались, большинство принимало участие в реформаторской деятельности Петра. Затем были собраны еще 249 подписей, принадлежавших гвардейскому и армейскому офицерству. Однако для большинства шляхетства проект Татищева послужил лишь исходной точкой дискуссий [6, с. 155].

Милюков, опираясь на оценки иностранных дипломатов, полагал, что основные разногласия в «партии конституционалистов» возникли из-за вопроса о сохранении членами верховного совета своей власти [5]. Это привело к ослаблению «партии» и в итоге к победе «партии самодержавия».

На наш взгляд, П.Н. Милюков поспешил выдать желаемое – процесс начала формирования партий – за действительное. Конечно, в России того времени были яркие, европейски образованные, стратегически мыслящие государственные деятели, способные представить к общественному обсуждению тщательно проработанный политический проект. Но, к сожалению, правящий класс России был ориентирован отнюдь не на подобные проекты [2].

Нам ближе точка зрения о Д.М. Голицыне С.М. Соловьева: «Главою могущественной аристократической партии он быть не мог. Новая Россия не наследовала от старой аристократии, она наследовала только несколько знатных фамилий или родов, которые жили особно, без сознания общих интересов и обыкновенно во вражде друг с другом; единства не было никакого, следовательно, не было никакой самостоятельной силы; сильной могла стать та или иная фамилия только через фавор» [9]. Этот вывод полностью может быть отнесен и к событиям осени-зимы 1730 г. в старой российской столице.

Список литературы

1. Галкова О.В. Проблемы изучения культурного наследия в отечественной историографии XVIII – первой половины XIX в. // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2008. № 3. С. 108–111.

2. Кибасова Г.П., Петрова И.А., Савицкая О.Н. Идеиные доминанты русской культуры XIV–XVI вв. // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 9–10 (113) С. 167–173.

3. Милуков П. Из истории русской интеллигенции. Спб., 1903.

4. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1904. Ч. 1.

5. Петров А.В. Философия прав человека в русской культуре: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2009. С. 33–34.

6. Петрова И.А., Кибасова Г.П., Галкова О.В., Ковтюх Г.С. История России: учебник. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2017.

7. Петрова И.А., Шаменкова Д.С. Особенности развития русской литературы в концепции П.Н. Милукова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. № 5 (100). С. 280–287.

8. Россия в мировой цивилизации / под общ. ред. И.А. Петровой. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2004. С. 95–96.

9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен [Электронный ресурс] // ГПНТБ СО РАН: [сайт]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solovlec.htm> (дата обращения: 18.04.2018).

* * *

1. Galkova O.V. Problemy izuchenija kul'turnogo nasledija v otechestvennoj istoriografii XVIII – pervoj poloviny XIX v. // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2008. № 3. S. 108–111.

2. Kibasova G.P., Petrova I.A., Savickaja O.N. Idejnye dominanty russkoj kul'tury XIV–XVI vv. // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2016. № 9–10 (113) S. 167–173.

3. Miljukov P. Iz istorii russkoj intelligencii. Spb., 1903.

4. Miljukov P.N. Oчерki po istorii russkoj kul'tury. Spb., 1904. Ch. 1.

5. Petrov A.V. Filosofija prav cheloveka v ruskoj kul'ture: avtoref. dis. ... d-ra filос. nauk. Volgograd, 2009. S. 33–34.

6. Petrova I.A., Kibasova G.P., Galkova O.V., Kovtjuh G.S. Istorija Rossii: uchebник. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2017.

7. Petrova I.A., Shamenkova D.S. Osobennosti razvitija russkoj literatury v koncepcii P.N. Miljukova // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2015. № 5 (100). S. 280–287.

8. Rossija v mirovoj civilizacii / pod obshh. red. I.A. Petrovoj. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2004. S. 95–96.

9. Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen [Elektronnyj resurs] // GPNTB SO RAN: [sajt]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solovlec.htm> (data obrashhenija: 18.04.2018).

P.N. Milyukov on the origins of Russian liberalism

In the context of the Russian historical tradition based on the articles by P.N. Milyukov, published in the collection "From the History of the Russian Intellectuals", the article presents the analysis of his views on the sources and origins of Russian liberalism.

Key words: liberalism, sources, tradition, Russian historical tradition, high officials, nobility, autocracy, conditions, projects of state transformation.

(Статья поступила в редакцию 04.04.2018)

Т.Н. ОРЕШКИНА, Д.А. ГРАЧЕВА
(Волгоград)

ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО АВАНГАРДА

Освещается проблема становления и развития русского авангарда в художественном искусстве в период участия России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) и влияния войны на развитие левого движения в искусстве. Рассматривается участие художников в военных событиях и отношение художников к войне. Анализируется влияние войны на содержание их творчества, а также исследуется участие художников-авангардистов в пропагандистской деятельности.

Ключевые слова: Первая мировая война, русский авангард, художники-авангардисты, художники-футуристы, благотворительность, агитационная и пропагандистская деятельность.

Можно не писать о войне,
но надо писать войною!
В. Маяковский. Вваливим кистью

История русского авангарда – от момента его формирования, затем борьбы за свое место под солнцем в первом десятилетии XX в. и до его формального запрета в начале 1930-х гг. – очень коротка и необычайно насыщена собы-